

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

СЛЕДОВАТЬ ЗА СУДЬБОЙ ПУШКИНА

Следовать за мыслями великого человека
есть наука самая занимательная.

Александр Пушкин. Арап Петра Великого

Одну за другой прочитала две книги этого автора о Пушкине — и так пожалела, что не смогу ему написать: недавно ушел из жизни. Всего каких-то два года назад. А как бы хотелось его узнать поближе, с ним познакомиться, пообщаться, о многом спросить... Говорю о Леониде Матвеевиче Аринштейне (1925—2019). Два тома его «Непричесанной биографии» Пушкина¹ я только что прочитала и нахожусь под впечатлением. Но нужно сделать одно признание: лет семь назад в бостонском магазине русской книги я уже держала в руках «Непричесанную биографию». Тогда было модно «разоблачать» писателей. Одна авторша, весьма далекая от литературы, но охочая до собирания сплетен, написала «правдивую» биографию Анны Ахматовой. У меня, осознающей конъюнктуру и тошнотность замысла, даже не было попыт-

Ирина Чайковская — прозаик, критик, преподаватель-славист. Главный редактор американского русскоязычного журнала «Чайка». Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе. Семь лет жила в Италии, с 2000 года — в США. Автор 18 книг и многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Автор статей и докладов о жизни и творчестве И. С. Тургенева, А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова и других представителей русской литературы второй половины XIX века. Участница международных тургеневских конференций и конференций по связям русской и зарубежной литературы. Член редколлегии американского русскоязычного журнала «Слово/Word» и поэтического альманаха «Связь времен». Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации «Критика». Живет в Большом Вашингтоне.

¹ Леонид Аринштейн. Пушкин. Непричесанная биография. Первая и вторая книга. М.: Грифон, 2020, 2019.

ки ее прочитать. Там же, в бостонском «Петрополе», мне попались «Дневники Пушкина», сочинение неизвестного мне автора. Открыв первую страницу, я поняла, что опус порнографический и рассчитан на определенный тип читателя, охочего до клубнички. И вот, боясь снова попасться, я в случае с Аринштейном, даже не расчухав (пушкинское слово!), что за книга передо мной, отодвинула ее в сторону. Скорее всего, думала я, это собранные воедино слухи и сплетни о великом поэте. Мешало еще и то, что в негустом списке современных пушкинистов я этой фамилии не встречала.

В оправдание Леонида Аринштейна и в порядке самокритики, должна сказать, что сама не свободна от соблазна с помощью названия привлечь побольше читателей. Повесть о Панаевой у меня называется «Дело о деньгах» и имеет подзаголовок «Из тайных записок Авдотьи Панаевой». Сегодня, случается, я даже поясняю, что повесть эта совсем не «желтая», что написана она на основании документов, писем и стихов и что целью моей было не «скандальное разоблачение» героини, а, наоборот, более полная и объемная ее характеристика. В реальных «Воспоминаниях» Авдотьи Яковлевны картина ее жизни обрывочна и сознательно затемнена.

Но вернусь к Аринштейну. Его двухтомник о Пушкине и в самом деле «непричесанная» пушкинская биография, в нем много такого, о чем никто никогда не говорил или — выражусь иначе — что не выходило за рамки разговоров между собой отдельных «авгуров», наших признанных пушкинистов...

А было их — прославленных, увлеченных своей темой — особенно в XX веке, немало. Сильно поспособствовал их появлению пушкинский семинарий Семена Афанасьевича Венгерова при Петербургском университете с 1908 года, давший России и миру таких замечательных исследователей-пушкинистов, как Юрий Тынянов, Сергей Бонди, Юлий Оксман, Виктор Жирмунский, Борис Эйхенбаум. Виктор Шкловский писал, что Венгеров на своих занятиях раздавал ученикам копии рукописей Пушкина — вот откуда их особый интерес к текстологии, их внимательное изучение рукописных тетрадей поэта, сличение вариантов, наблюдение за самим процессом создания произведения в его окончательной форме...

Нужно сказать, что Леонид Аринштейн в этом смысле достойный наследник той великой плеяды... Наследник, можно сказать, «по прямой», ибо в середине 1940-х годов учился на филологическом факультете Ленинградского университета у таких учителей, как Михаил Алексеев, Борис Томашевский, Виктор Жирмунский. Все трое — блестящие пушкинисты.

Изложение пушкинской биографии в книгах Аринштейна представляется на редкость достоверным, ему веришь, так как видишь, откуда взялся тот или иной вывод, почему сделано то или иное умозаключение. И это, бесспорно, связано с методом автора. Метод — чисто исследовательский: внимательное изучение тетрадей поэта, сличение редакций, причем основное внимание уделяется первой, черновой, где часто отсутствуют обиняки и прикрытия и наличествует то, что впоследствии, в ходе переработки, уходит... Конечно, важны числа под сочинениями, проставленные рукой Пушкина, и те события, которые в этот момент происходили в мире и в жизни поэта.

Самый характерный пример — стихотворение, посвященное смерти Амалии Ризнич «Под небом голубым страны своей родной». Весть о смерти кишиневской возлюбленной, которой в другое время поэт посвятил полные страсти и нежности стихи («Ночь», «Для берегов отчизны дальней», позже «Заклинание»), по какой-то причине не вызывает у него «ни слез, ни пени». И если бы текстологи нам не открыли, что в рукописи рядом с этим стихотворением изображена виселица с пятью повешенными декабристами — одновременно пришла весть об их казни, — причины такого равнодушия были бы нам непонятны.

А вот еще пример — из копилки Аринштейна, правда, уже из третьей книги, о которой скажу в конце этой статьи. Посаженой матерью на свадьбе Пушкина и Натальи Гончаровой должна была быть княгиня Вера Федоровна Вяземская. Но незадолго до события она сломала себе ногу, прилаживая образок над детской кроваткой. Пушкин срочно стал искать ей «равноценную» замену. С трудом нашел графиню Елизавету Петровну Потемкину, которая, разъехавшись с мужем, жила уже не на Пречистенке, а в каком-то неизвестном месте. Александр Сергеевич сумел ее разыскать, она дала согласие быть посаженой матерью — и дело уладилось, свадьба состоялась в срок, 18 февраля 1831 года. Не зная этой «истории», невозможно было расшифровать смысл шуточного пушкинского четверостишия, о котором в академических комментариях было сказано, что смысл этой шутки неясен. А вот сама шутка:

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду².

К методам работы Леонида Аринштейна можно отнести и внимательное изучение писем поэта и его окружения, дневников современников, записей бытовавших вокруг Пушкина слухов, ну и, конечно, его психологии, реакций на людей, события и явления.

Немного отвлекусь. Мне посчастливилось еще в школьные годы услышать лекции замечательного пушкиниста Сергея Михайловича Бонди. Начав посещать их «контрабандой» в десятом классе (приходилось обманывать бдительность университетского служителя, сидящего на входе), продолжала ходить на них и на пушкинские семинары все последующие годы обучения в другом вузе. Лекции и семинары Бонди были бесконечно содержательнее и богаче пропускаемых мною лекций в Московском государственном педагогическом институте, профессор открывал нам Пушкина. Самое важное, чему он нас научил, — быть внимательными к тексту (недаром был он текстологом!), разбирать его «по косточкам», стараясь выявить смысл, вложенный в него автором. Когда сегодня режиссеры, отталкиваясь от того или иного текста, делают из него нечто совершенно противоположное авторскому замыслу, настаивая на своем, порой примитивном «видении», бывает обидно за «расчихвоенного», но так и не разгаданного классика. Нет, я не против «новых прочтений», классическое произведение их предполагает, но хорошо бы вслушиваться в тот голос, что звучит со страниц, а не, зажав уши, громко и фальшиво выкрикивать свою мелодию. Сергей Бонди «верил» поэту и внушал эту веру нам, своим ученикам. И эту же веру я увидела в книге Леонида Аринштейна. Для него, как и для текстолога-предшественника Сергея Михайловича Бонди, Пушкин правдив в своих отношениях с читателем, никогда его не «дурит», не считает глупым, всегда рассчитывает на понимание.

Есть у меня и еще одна выстраданная мысль, связанная с пушкинистами, точнее, с одним из них — не так давно ушедшим от нас Валентином Непомнящим. Глубокий, нетривиально мыслящий человек и исследователь, прекрасно читающий пушкинскую лирику и «Бориса Годунова». Неоднократно слушала его чтение в записанных им передачах на канале «Культура». Всегда при этом поражалась общей концепции исполнителя. Истолковывая то или иное стихотворение, Валентин Семенович почти никогда не касался непосредственного адресата пушкинской лирики, даже часто не называл его. Считал, что это неважно. Для него гораздо важнее была эволюция сознания и духа поэта, траектория его нравственного пути.

² Смысл шутки для тех, кто не разобрался, в том, что, если, несмотря на сложность задачи, он таки отыщет Потемкину, можно даже согласиться на роль третьестепенного писателя, каковым был Булгарин.

В этом смысле Леонид Аринштейн находится в полемике с концепцией Валентина Непомнящего. И я постараюсь в этой статье показать некоторые их «несовпадения». А не совпадают они и в большом, и в малом.

Ну вот, например: Валентин Непомнящий говорит, что у юноши Пушкина был «комплекс победителя», что женщины не могли не подпасть под его обаяние. У Аринштейна же с самого начала первой книги, с главки «от автора», утверждается обратное: «Вообще распространенное представление о том, что Пушкин пользовался неизменным успехом у женщин, довольно далеко от действительности». Автор (уже во второй книге) рассказывает о четырех попытках Пушкина, вернувшегося из ссылки и хотевшего покончить с холостой жизнью, посвататься к молодым девушкам из московских или петербургских дворянских семей. Назову девиц, к которым сватался Александр Сергеевич. Это Софья Пушкина, Алина Римская-Корсакова, Анна Оленина и Наталья Гончарова. Во всех случаях его сватовство встречалось крайне настороженно как родителями, так и самими барышнями. Женился он только с четвертой попытки — на Наталье Гончаровой, хотя сначала тоже получил отказ.

Но к Непомнящему и к «внутреннему спору» с ним Леонида Аринштейна мы еще вернемся.

А пока давайте пройдемся по книге Аринштейна.

В его варианте пушкинской биографии на первый план выходят совсем другие имена. Екатерине Андреевне Карамзиной, второй жене историка, Аринштейн уделяет совсем мало внимания, видимо, считая, что в жизни Пушкина гораздо большую роль сыграл ее муж, Николай Михайлович Карамзин. Не отрицая значения Карамзина для поэта, скажу только, что мне, еще в юности прочитавшей статью Юрия Тынянова «Безыменная любовь» и сразу ей поверившей, было трудно уйти от тыняновской гипотезы об утаенной, но пронесенной через всю жизнь любви Пушкина-лицеиста к этой женщине, бывшей вдвое его старше. Леонид Матвеевич Аринштейн тыняновскую гипотезу не упоминает. На страницах его книги возникает образ другой зрелой женщины — супруги императора Александра Павловича — императрицы Елизаветы Алексеевны.

Императрица патронировала лицей и, судя по всему, вызвала у юноши возвышенные чувства «любви и поклонения». Именно ее заступничество смягчило гнев Александра Первого, прочитавшего крамольную оду «Вольность», и спасло поэта от ссылки в Сибирь, замененную на поездку в Крым и на Кавказ с семейством генерала Раевского, а затем на вполне вегетарианскую службу на юге.

Исследователь сравнивает пушкинское стихотворение 1830 года «В начале жизни школу помню я», где поэт обращается к своим лицейским годам, с умилением вспоминая императрицу, «видом величавую жену», с первым стихом дантовской «Божественной комедии». Елизавете Алексеевне, по мысли Аринштейна, посвящено и удивительное стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный» — о любви рыцаря к «матери божьей». Не буду приводить аргументы и сопоставления, но процитирую слова Леонида Аринштейна, которые кажутся мне необыкновенно важными: «В поэзии Данте было нечто, чего не могли дать Пушкину ни Байрон, ни Шекспир, ни Гёте, ни тем более античные поэты. Это поразительный по духовной силе образ высочайшей „небесной любви“, любви вечной и беззаветной». И чуть ниже: «Без понимания этого обстоятельства невозможно понять ни лирику Пушкина, ни его судьбу».

Но при всем при том Пушкин был человеком из плоти и крови, импульсивным, увлекающимся, страстным, он имел любовные связи, и были женщины, которые жертвовали для него всем: репутацией, благополучием, возможностью иметь семью. Об одной такой истории я узнала именно из книги Аринштейна. Удивительно: биографы рассказывали, как правило, ее «экспозицию», а до завязки и тем более развязки дело

как-то не доходило. Ну да, говоря о «тригорских барышнях», мы знали, что все они в той или иной степени были увлечены прибывшим в ссылку поэтом, знали, что Анна Вульф, дочь Прасковьи Осиповой от первого брака, в Пушкина по-настоящему влюбилась и была увезена своей матерью (чье отношение к юноше также выходило за рамки «материнской опеки») подальше от греха... Но грех, как известно, гонится за нами по пятам... Анне не была суждена судьба Татьяны Лариной, прототипом которой она отчасти являлась. Пушкин также не выступил здесь в роли Онегина, прочитавшего Татьяне проповедь о том, что девичьи «неопытность» и безоглядность ведут к беде. Оба с собой не справились. Именно этой любви, по разысканиям Аринштейна, мы обязаны появлением самых эротически откровенных и при этом поразительно нежных стихотворений Пушкина — «Когда в объятия мои...» и «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» (1830). Именно у беззаветно любившей его Анны Вульф, так никогда и не вышедшей замуж, Пушкин залечивал душевные раны в 1828 году, после отказа, полученного от Анны Олениной, а также в 1829-м, когда, как казалось, и его брак с Натальей Гончаровой не состоится. Зимой 1829 года поэт нашел Анну в тверском имении Малинники, одну, словно нарочно его поджидавшую. Они провели вместе три счастливых недели, «зимние каникулы». Появились удивительные стихи. И поскольку их датируют примерно 1830 годом, комментарии, как правило, адресуют их Наталье Николаевне Гончаровой.

И тут мне опять придется обратиться к Валентину Непомнящему, который в цикле своих телепередач «А. С. Пушкин. Тысяча строк о любви» (2003) говорит, что стихотворение «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» посвящено жене, но написано «до свадьбы». До свадьбы? Тогда как это понимать? Нет, нет, успокаивает нас Валентин Семенович, обычаи были соблюдены — стихотворение «чисто теоретическое». Чисто теоретическое? Удивительное объяснение, не правда ли? Оно сродни еще одному, связанному с поразительной силы пушкинским стихотворением «Заклинание», написанным болдинской осенью все того же 1830 года.

О, если правда, что в ночи,
 Когда покоятся живые
 И с неба лунные лучи
 Скользят на камни гробовые,
 О, если правда, что тогда
 Пустеют тихие могилы, —
 Я тень зову, я жду Леилы:
 Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
 Как ты была перед разлукой,
 Бледна, хладна, как зимний день,
 Искажена последней мукой.
 Приди, как дальная звезда,
 Как легкой звук, иль дуновенье,
 Иль как ужасное виденье,
 Мне все равно, сюда! сюда!..

Зову тебя не для того,
 Чтoб укорять людей, чья злоба

Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

Большая часть комментаторов, и среди них Леонид Аринштейн, приписывают его появление воспоминаниям о «кишиневской любви поэта», жене богатого сербского коммерсанта Амалии Ризнич. Вот ее описание из литературного журнала XIX века: «...молода, высока ростом, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ее пламенные очи, шея удивительной формы и белизны, и черная коса, более двух аршин длиною». Дочь венского негодянта (еврейка? итальянка?), Амалия русского языка не знала, объяснялась с Пушкиным на французском, была кокетлива, капризна и очень болезненна. Сильное чувство, ею внушенное, ее болезнь, отъезд на лечение в Италию, призыв последовать за ней и мечты о побеге вслед за возлюбленной «из края мрачного изгнания» в страну «голубого неба», слухи вокруг ее ранней — в 23 года — смерти (поговаривали, что ее убил из ревности муж) — все слилось в «Заклинании» в единый клубок — в страстный призыв «Сюда, сюда!».

Но не все пушкинисты адресуют это стихотворение Амалии Ризнич. Валентин Непомнящий называет в связи с ним имя Елизаветы Воронцовой, жены новороссийского генерал-губернатора. Его не смущает, что Воронцова ко времени создания этих стихов жива и вообще переживет Пушкина на 43 года, что с Италией она никак не связана, да и вообще у нее не было настоящего романа с Пушкиным³. По Непомнящему, все эти несовпадения не следует принимать во внимание, так как поэт выражается «фигурально». Но в такой трактовке нет ни капли веры в пушкинское слово. В своей статье-рецензии на программу Непомнящего я пишу: «Ну нет, уж больно дико, срывая голос, кричит и зовет поэт („Ко мне, мой друг! Сюда! Сюда!“), чтобы я поверила, что все это понарошку („фигурально“»». Повторю это и сейчас.

Еще одна тема, поднимаемая Аринштейном, тема «тайная», почти запретная, до конца не освещенная и не осмысленная ни пушкинистами, ни нами, читателями. Исследователь пишет о страшном тупике, в котором оказался Пушкин в конце жизни, о жажде смерти, которую породили в нем некоторые обстоятельства. Дело в том, что Николай Первый, тот самый, который вызвал Пушкина из ссылки, долго с ним разговаривал, в итоге предложил себя ему в цензоры и фактически нарек Первым поэтом России, этот человек был влюблен в его жену и всячески это демонстрировал. Вот что писал Нащокин со слов Пушкина: «Царь, как офицеришка, ухаживает за его женою; нарочно по утрам по несколько раз проезжает мимо ее окон, а ввечеру, на балах, спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены». Наталье Николаевне, пишет Аринштейн, нравились ухаживания царя. Вообще, жена Пушкина у Аринштейна далека от того идеального образа, который в последнее время создавали пишущие о Пушкине и его семье.

Заметим, что анонимный пасквиль, посланный друзьям и знакомым Пушкина 4 ноября 1836 года, объявлявший его избранным «коадьютором Великого Магистра Ордена Всех Рогоносцев и историографом Ордена», сообщал, что его члены собрались «под председательством достопочтенного Великого Магистра Ордена Его Превосходительства Д. Л. Нарышкина». «В петербургских салонах было общеизвестно, — пишет Аринштейн, — что супруга Д. Л. Нарышкина была возлюбленной покойного Императора Александра, причем злые языки говорили, что ее муж имел вследствие этого нема-

³ Считается, что Александр Раевский использовал Пушкина как ширму для своих отношений с графиней.

лые выгоды. Пасквиль прозрачно намекал, что в подобных отношениях с ныне здравствующим Императором находится жена Пушкина, а он сам, подобно Нарышкину, получает от этого определенные дивиденды (жалованье историографа)».

Получается, что последующая история с Дантесом, на которой сконцентрировалось внимание современников и потомков Пушкина, не обнимает ВСЕЙ трагедии, переживаемой поэтом. Была она глубже и безысходней⁴.

Автор пропускает всю дуэльную историю, завершая вторую книгу и ее последнюю главу «Смертные ступени» пушкинской строкой «И дон Альфонс коню дал шпоры»⁵.

На Черной речке Пушкин защищал не просто честь — свою и жены, он отстаивал свое человеческое достоинство перед лицом безликого и всевластного «каменного истукана».

И, наверное, прав был автор пушкинской биографии, который не стал нас погружать во всевозможные детали и подробности случившегося.

Вообще этот двухтомник чрезвычайно лапидарен. Аринштейн ничего не «размусоливает», комментируя только то, в чем уверен и чему находит подтверждение. Скорее всего, не я одна, прочитав две эти нетолстые книжки, захотела продолжения. Именно так я объясняю появление третьей книги «Пушкин: Когда Потемкину в потемках», имеющей подзаголовок «По следам „Непричесанной биографии“». Каюсь, что не удержалась и уже начала ее читать, о чем свидетельствует начало этой статьи.

А закончить я хочу, снова обратившись к Валентину Непомнящему и его телевизионному циклу о лирике Пушкина. Чтение этого цикла, названного «Тысяча строк о любви», завершилось великолепным «Зимним утром» (1829 или 1830). Исполнение было прекрасным, и строчки памятны еще со школьных времен. Но подумалось вот о чем: ни Валентин Семенович, ни когда-то наша «литераторша» Анна Васильевна так мне и не ответили, кто же эта «красавица», «друг прелестный», которую Пушкин зовет на прогулку по зимним, озаренным солнцем угольям?

Зато теперь благодаря Леониду Аринштейну я ее имя знаю. Это та самая Анна, Анна Николаевна Вульф, в чьем обществе поэт провел три счастливых недели «зимних каникул»!

⁴ Выписываю из второй книги: «Имеются свидетельства и того, что через какое-то время после смерти поэта Наталья Николаевна стала фавориткой императора».

⁵ Из стихотворного переложения «Рукописи, найденной в Сарагосе» Яна Потоцкого: «Альфонс садится на коня». В отрывке хозяин венты предупреждает Альфонса: «Пускаться в путь теперь не время...»